

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

К одной из острейших социальных проблем — жизнеустройству детей-сирот мы обращались не один раз. Сегодня всё чаще в средствах массовой информации звучит позиция о закрытии детских домов и передаче всех без исключения детей-сирот в приёмные семьи. В связи с этим участники XVI Международных образовательных Рождественских чтений в обращении к Президенту РФ выразили обеспокоенность за судьбу детей-сирот, так как считают, «что недопустимо сопрягать развитие семейных форм с разрушением (деинституционализацией) учреждений интернатной системы, которая складывалась в России в течение 10 столетий». Предлагаем вам подборку статей, которые отражают различные взгляды на эту проблему.

РАЗРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РОССИИ

Елена Лебедева,

сотрудник Лобненского социального приюта для детей и подростков,
детский психиатр

Одна из наблевших проблем современного российского общества — растущее количество детей-сирот. В связи с этим в последнее время развернулась дискуссия о формах устройства российских сирот.

В средствах массовой информации представлена, как правило, такая позиция: необходимо закрыть детские дома и передать всех без исключения детей, оставшихся без попечения родителей, в приёмные и патронатные семьи. Идея заключается в том, чтобы рассматривать семейные формы устройства как альтернативные, а не как содружественные интернатным. В исключительно положительных сторонах этого подхода убеждают нас и многочисленные зарубежные консультанты, умалчивая, как правило, о негативных. В противовес этому имеется ряд аргументов и, прежде всего, практически тысячелетняя история заботы о детях, остав-

шихся без попечения родителей в нашей стране.

Усыновление, взятие под опеку и воспитание в государственных учреждениях существовало в России с XI века. Первым таким учреждением было училище для сирот, учреждённое в 1072 г. Ярославом Мудрым. К 1706 году митрополит Иов уже открыл 10 приютов и сиропитательниц, в которых призрелись до 3 тысяч сирот и приносимых детей, «коих жёны и девки рожают беззаконно и стыда ради отменяют в разные места, от чего оные младенцы безгодно умирают».

Вдохновлённый его примером, Пётр I 4 ноября 1715 г. издал указ, предписывающий в Москве и других городах устраивать «гошпитали для зазорных младенцев, которые не от законных жён рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства, по примеру Новгородского Архиепископа».

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что изначально в России приюты для детей-сирот открывались не только для воспитания и обучения детей, а и для «спасения каждой христианской души», для удержания женщин от греха детоубийства.

Дело устройства детей-сирот продолжила Екатерина II. По её инициативе в российских крупных городах стали открывать воспитательные дома.

2 (14) мая 1797 года император Павел I издал указ о передаче под покровительство императрицы Марии Фёдоровны воспитательное общество благородных девиц, а позже назначил её «начальствовать» над всеми воспитательными домами. При жизни Марии Фёдоровны при её содействии было открыто 500 благотворительных учреждений: бесплатные роддома, детские приюты, ясли и др. После её смерти эта сеть получила название «Учреждения императрицы Марии Фёдоровны». К 1904 году эта сеть включала 140 учебных заве-

дений, Императорский воспитательный дом, 376 детских приютов и яслей.

К 1913 г. в российской глубинке существовало 921 учреждение для детей-сирот (не считая воспитательных домов и приютов в крупных городах).

Как при Петре I, так и при Екатерине II и при Марии Фёдоровне формы устройства сирот не ограничивались только помещением последних в государственные учреждения.

При Петре I и при Екатерине II ослабленных и больных детей отдавали на воспитание людям по деревням, в монастыри, помещикам, в сельские общины, где сироты содержались до 7 лет. Затем их отправляли в школу для обучения мастерству соответственно полу: девочек — в услужение, мальчиков — в мастерские. Указ Екатерины от 7 ноября 1775 г. приписывал Приказу неимущих сирот отдавать последних «добродетельным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их (сирот) во всякое время Приказу для дальнейшего воспитания и обучения «в общественных для сирых училищах... дабы научился науке или промыслу, или ремеслу, и доставлен был ему способ учиться добрым гражданином». При этом семьи, в которые отдавали сирот, получали деньги на содержание, одежду и оплату в зависимости от возраста ребёнка. Более того, помимо оплаты, Воспитательный дом присылал в семьи врача и надзирателя для оказания необходимой помощи.

Отмечу, что с призрением сирот в России связаны имена известных государственных деятелей и педагогов. Так, в 1830 году Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869) вёл агитацию за организацию детских приютов. В 1837 году он возглавил «Комитет главного попечительства о детских приютах» и разработал «Положение о детских приютах». Заслуживает внимания

Елена Лебедева

РАЗРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РОССИИ

его книга «Наказ лицам, непосредственно заведующим детскими приютами».

Организации, принципам, содержанию деятельности воспитательных домов посвящены работы известного русского педагога В.Я. Стоюнина (1826–1888), имеющего опыт работы в Николаевском сиротском институте Москвы. Работа Гатчинского сиротского института тесно связана с именем русского педагога Е.О. Гугеля (1804–1841). Всё это позволяет сделать выводы:

1. Россия имеет многовековую историю призрения детей-сирот.
2. Формирование структуры сиротских учреждений происходило под воздействием благих устремлений правителей и государственных деятелей — спасти детей-сирот, вырастить граждан, полезных для Отечества, и удержать женщин от греха детоубийства.
3. Возникшая в XVIII веке патронатная форма устройства детей-сирот только дополнила и разнообразила, а ни в коем случае не отменила и не исключила уже существующие формы, такие как усыновление и воспитание сирот в специальных учреждениях (сиропитательницы, «гошпитали», приюты, воспитательные дома).

4. С XI века российские сиротские учреждения стали решать вопрос не только призрения сирот, но и их образования.

5. Большое количество сиротских учреждений в России является показателем заботы государей, чиновников, педагогов и частных лиц о судьбе детей-сирот.

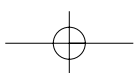
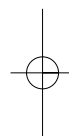
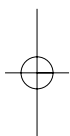
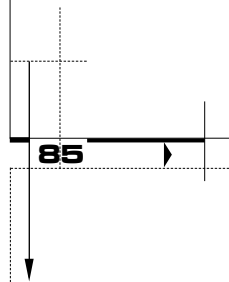
Благодаря отлаженной, исторически сформированной в течение столетий, государственной системе учреждений призрения и образования детей-сирот были сохранены жизни миллионов наших маленьких сограждан в тяжёлые для страны времена: в 20-е годы прошлого столетия, во время Великой Отечественной войны, в постперестро-

ечный период. Эти учреждения продолжают спасать жизни и души российских детей и сегодня, когда новая волна беспризорности, обусловленная нравственным обнищанием общества, захлестнула страну. Поэтому очень печально и страшно слышать призывы к расформированию уже существующих сиротских учреждений. Создаётся впечатление, что под прикрытием очевидного постулата «в семье ребёнку — лучше, чем в детском доме», идёт разрушение социальных структур России.

Хочется напомнить сторонникам закрытия детских домов, что принятый в 1828 году Николаем I закон, воспрещающий строительство воспитательных домов в губерниях, привёл к тому, что в Московский воспитательный дом брошенных детей везли «гуртом» отовсюду, даже из Версаля и Берлина. Пришлось нанимать специальных «доставщиков», чей промысел оплачивался.

Ратующих только за «передачу ребёнка из приюта в семью для вскармливания и воспитания» необходимо предупредить, что основным недостатком такой формы устройства детей-сирот ещё при Екатерине II, при Марии Фёдоровне и в конце XIX века было превращение её в «деревенский промысел», который общественность также назвала **«позорным промыслом»**. То есть чаще всего взять к себе на воспитание ребёнка за вознаграждение хотели беднейшие жители, для которых «пятирублёвое подспорье» являлось заметной помощью. Тем не менее приходилось отдавать детей именно им, так как обеспеченные круги населения предпочитали усыновление. Вот почему судьбы передаваемых на патронат детей были ужасными. Они попадали туда, где «дом разваливается, крыша прохудилась, ни двора, ни построек не видно».

Семье, принявшей к себе ребёнка на патронат, выплачивалось разное по своим размерам пособие. Но в любом

Бесспорно, ребёнку лучше всего расти в гармоничной любящей семье. Но попытка раздать сирот по семьям в стране, где сам институт семьи находится в кризисе (на каждую 1000 браков приходится 800 разводов), призыв разрушить (деинституционализировать) детские дома и интернаты в момент, когда Россия переживает третью волну сиротства, похожи на безумие.

случае речь шла об обычном «народном промысле» (подобно извозному, кустарному) и т.п. Свидетельством тому служит опрос 500 обследованных в то время семей, подавляющее большинство которых на вопрос о причинах занятия этим промыслом отвечали «по бедности».

➔ Логичнее было бы направить все силы на восстановление института семьи, на воссоздание нравственных семейных ценностей, а потом уже объявлять семейные формы устройства приоритетными. Тем более что в этом случае в сиротских учреждениях просто отпадёт необходимость из-за снижения количества детей-сирот в России. (Как уже было в начале 80-х годов XX века, когда некоторые детские дома были на грани закрытия из-за небольшого количества детей-сирот.)

Кроме того, в споре о том, какая форма устройства детей-сирот лучше, часто забывают о **качественной** стороне вопроса. Для ребёнка важно, какой человек его воспитывает: какая мама, какая няня, какой учитель. А вопрос, где его этот человек воспитывает (в приёмной семье или в детском доме), с моей точки зрения, является уже второстепенным. В безнравственной семье, которая берёт ребёнка на воспитание, чтобы заработать деньги, существует очень большая вероятность, что и ребёнок вырастет безнравственным. Давайте вспомним старую русскую поговорку «Не место красит человека, а человек — место».

Более того, предлагаемая сторонниками патронатного воспитания американская и западная модель семейного устройства детей-сирот подразумевает смену приёмных семей при отказе приёмных родителей от дальнейшего воспитания ребёнка. О какой стабильности социального окружения может идти речь, если ребёнка с лёгкостью передают из одной семьи в другую? И каким

же образом тогда у ребёнка сформируются устойчивые эмоциональные привязанности? А ведь именно в нестабильности социального окружения и в неспособности создать условия для формирования устойчивых эмоциональных привязанностей обвиняют некоторые современные психологи сиротские учреждения. Наверное, эти психологи не видели выпускников школ-интернатов, приезжающих на летние каникулы домой (в родное гнездо), не видели, как они ухаживают за маленькими детьми, как помогают в мастерских. Наверное, эти психологи не видели, как бежит малыш и бросается на шею любимому воспитателю. **В воспитании ребёнка человеческий фактор является всё-таки решающим, а не система, в которую этот фактор встроен.**

Высказывания о том, что выпускники детских домов и интернатов пополняют собой ряды преступников и других асоциальных элементов имеют под собой основания. Но этот факт только отражение нравственного падения нашего общества в целом. Ведь никто не проводил точных статистических исследований. Например, 50% выпускников Кардымовской школы-интерната Смоленской области поступают в высшие учебные заведения.

Интересен факт, что ещё Мария Фёдоровна сокрушалась о выпускниках российских сиротских учреждений: «...воспитательное значение выразилось в совершенной непригодности выросших воспитанников к самостоятельной трудовой жизни... Они оказались менее всех граждан полезными своему отечеству и дошли до последующей степени падения». М. Ошанин в конце XIX века писал: «...ужасные, потрясающие совесть результаты воспитания сирот подсказывают жестокую мысль, что не стоит заботиться о сохранении жизни младенцев, если мы не можем им приготовить жизнь вне порока и раз-

Елена Лебедева

РАЗРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РОССИИ

врата. На народные трудовые деньги мы создаём этому же народу новое бремя, новых преступников и новую искусственную тяготу». Но эти выводы касались и детей, отданных на патронатное воспитание в деревенские семьи.

Возможно, наследственность обуславливает этот печальный факт гораздо в большей степени, чем система устройства и воспитания детей-сирот. Не стоит забывать, что в царской России основным контингентом сиротских учреждений были внебрачные дети и доставленные полицией подкидыши. Качественно иной состав этих учреждений был в период социальных катаклизмов XX века: дети убитых на войнах солдат и офицеров, разорившихся и раскулаченных крестьян, репрессированных и погибших в сталинских лагерях, умерших от голода. Старые педагоги и воспитатели сиротских учреждений вспоминают, что работать с теми детьми было намного легче и интереснее. Это и понятно, если принять во внимание изменение социального состава воспитанников в конце 80-х годов: вновь преобладают «отказники» и дети родителей, не победивших «зелёного змия». Нельзя забывать и о колоссальном моральном и нравственном растлении, которое испытывают на себе современные дети: эротика, порнография, насаждение культа разврата и вседозволенности, формирование гедонистических установок. Это калечит души всех российских детей, не только детдомовских, осложняет их воспитание в духе трудолюбия, сострадания, самоотречения, любви к семье и к Родине.

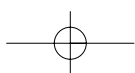
Тем не менее, даже в наше время есть немало выпускников сиротских учреждений, которые социализировались, нашли работу, создали свои семьи; некоторые наиболее успешные из них даже помогают своим интернатам и детским домам материально. И не в христианской традиции отвергать

брошенного ребёнка (не тратить на него деньги), даже если из него потом вырастет асоциальный элемент.

Как хороший врач будет до конца бороться за жизнь больного, так и настоящий педагог будет использовать всё, чтобы вырастить из своих воспитанников достойных людей. Таких педагогов не остановят никакие мрачные статистические прогнозы. Вот и бьются наши воспитатели и учителя за пострадавшие детские души, отогревают их, стараются пробудить интерес к созидательной, творческой жизни. Бьются фактически уже без боеприпасов: без достойной их тяжелейшего труда зарплаты, часто без удовлетворительных жилищных условий, не говоря уже о скудном финансировании самого образовательного процесса. Но не сдаются и не дезертируют с поля боя, и фактически, а не на бумаге заменяют детям родных родителей.

Думается, что общество, воспитывая всем миром детей алкоголиков, ту-неядцев, преступников, проявляет обычную «милость к падшим» (А.С. Пушкин). Осуждающим этих «падших» людей и государственную систему помощи их детям можно привести высказывание протоиерея Дмитрия Смирнова (интервью на «Радио Россия»): «Я перед каждой женщиной, которая отдала ребёнка в детский дом, готов встать на колени и поклониться, потому что десятки миллионов её соотечественниц просто прикончили ребёнка, сделав аборт, а эта дала ему жизнь...»

Региональным чиновникам брошена «сахарная кость» в виде возможности закрытия детских домов, соответственно сокращения расходов, связанных с их содержанием. Конечно, расходы на содержание сиротских учреждений уменьшить недолго, но не приведёт ли это к тому, что беспризорные дети будут жить в подвалах, на свалках, как они это делают в Бразилии и в Мексике.

В.В. Розанов в книге «**Богомольная и милостивая Русь**» писал: «Если бы чудодейственным актом законодательства, или экономического прогресса, или медицинского знания вдруг исчезли бы в Древней Руси все нищие и убогие, кто знает — может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость...»

Кроме того, если после закрытия промышленных предприятий, колхозов, совхозов, детских садов будут уничтожены и сиротские учреждения в российской глубинке, куда пойдут работать сотрудники этих учреждений? Экономическая заинтересованность в сохранении сиротских учреждений специалистов, чья работа и зарплата с ними связаны, также легко объяснима и не представляется мне преступным замыслом, каковым эту заинтересованность пытаются представить рьяные сторонники расформирования детских домов.

Особое место в воспитательной и образовательной системе занимают школы-интернаты. Ругая «интернатную систему», мы забываем, что петровские школы математических и навигационных наук, артиллерийско-инженерная, медицинская, разноязычная; Благородный пансион при МГУ для детей дворян, закрытое женское учебное заведение при Смольном монастыре, кадетские корпуса, пансионы для девочек, Царскосельский лицей и, наконец, современные частные школы Великобритании, Франции являются представителями именно этой «интернатной системы». Именно эта система воспитания и образования подарила нам Грибоедова, Жуковского, Лермонтова, Раевского (выпускники Благородного пансиона при МГУ), Пушкина и его талантливых друзей; доблестных российских офицеров и прекрасных женщин, воспитанных в русле традиционных семейных ценностей. В настоящее время разбросанные по бескрайним просторам нашей огромной страны, часто представляют собой островки культуры в российской глубинке. Иногда только пребывание ребёнка в школе-интернате (для детей оленеводов, коррекционные школы-интернаты различных видов

и т.д.) даёт ему возможность получить полноценное образование и развить его особые способности.

Сиротство существовало и будет существовать всегда, как и болезни, нищета, голод. Социальные язвы Господь посылает как орудия нравственного спасения каждого человека. Возможно, и не вырастают из всех призреваемых детей высоконравственные, трудолюбивые люди, чтобы не возгордились благодетели и воспитатели.

Будем же мудрыми, как наши великодушные предки, создавая и сохраняя, а не разрушая российские детские дома, школы-интернаты, приюты.

Не будем путать различные понятия: количество детей-сирот и количество сиротских учреждений. Растущее число детей-сирот в стране — показатель социальной нестабильности и безнравственности, но большое количество приютов, детских домов и интернатов — признак государственной заботы об этих несчастных детях. И не будем поддаваться на провокации заокеанских псевдопсихологов, призывающих под видом борьбы за права человека разрушать веками отработанную систему призрения наших детей-сирот. Развитие семейных форм призрения сирот, безусловно, необходимо, но оно не должно сочетаться с расформированием детских домов и школ-интернатов. Хочется верить, что все формы устройства детей-сирот будут мирно сосуществовать и дополнять, а не исключать друг друга, и что сиротские учреждения сохранятся, пока в них есть необходимость, и послужат кровом для несчастных детей, и что число их, конечно же, уменьшится, но только не искусственно, а благодаря возрождению нравственных семейных ценностей в нашей стране.